

фического собирательского самотека мы хотим поставить дело разысканий, публикации материалов, прояснения малоизвестных и неизвестных участков литературного процесса в плановом порядке, направляя усилия исследователей, архивистов, библиографов на те именно темы, которые необходимы для нашего общего построения, потому что мы должны признать, что, несмотря на обилие накопленных материалов, многого нам еще недостает, и общие наши представления о русской литературе XVIII в. во многом еще неполны, а иногда даже неверны — просто из-за неполноты наших фактических сведений, из-за недостаточности изучений, частных и общих.

2

Неполнота наших сведений о русской литературе XVIII века ощущается тем более остро, что нам, литературоведам, здесь далеко не всегда приходят на помощь и историки. Ведь и они не все еще прояснили в своем материале, ведь и на их картах все еще немало белых пятен, — и в особенности в области XVIII столетия.

Между тем нужно сказать прямо, что восполнить эти пробелы в соответствии с уровнем современной науки есть все возможности. И, пожалуй, нам нет необходимости кивать на историков и ждать от них готовых решений всех вопросов. Ведь мы должны помнить, что историк литературы — также историк, в первую очередь историк, что некоторые специфические черты изучаемого филологом материала не отменяют единства исторического метода и познания, что, снимая с себя бремя исследований истории социально-политической, историк литературы выплескивает из ванны ребенка вместе с водой. Может быть, именно на примере русской литературы XVIII века все это видно в особенности ярко, — потому что историку русской литературы этого столетия никак невозможно обойтись буквально на каждом шагу без осознания своего материала в теснейшей связи с фактами, условно говоря, чисто историческими.

Может быть, никогда русская литература прошлого не была так непосредственно, так прямо, так нескрываемо связана с текущей политической жизнью, как именно в XVIII столетии. Если мы не будем постоянно помнить этого, мы просто не будем понимать элементарного смысла тех произведений, которые мы изучаем. Мы должны уметь читать стихи и прозу XVIII столетия так, как их должны были читать современники; мы не должны придираться к отдельным словам, а должны научиться улавливать общее направление смысла произведения, и тогда и отдельные слова зазвучат для нас по-иному. Таким образом мы поймем, что монархические «восторги» од как Ломоносова, так и Сумарокова вовсе не означают, что один из них был «идеологом» двора Елизаветы Петровны, а другой — «идеологом» двора Екатерины Алексеевны; в системе образов этой эпохи, в системе стиля данного поэта,